

Голос этой певицы, лирико-колоратурное сопрано, пользуется поистине мировым признанием. Искусству Гоар Гаспарян аплодировали в Европе, Азии, Америке, Австралии. Бунально тысячи рецензий подробно описывают широту диапазона прима-сопрано Ереванского академического театра оперы и балета имени А. Спендиарова, рассказывают о ее жанровой многогранности, виртуозной технике. Девиз артистки: «Не удивлять, а волновать!».

Сегодня Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР и Армянской ССР Гоар Микаэловна ГАСПАРИАН — гость нашей 13-й страницы.

— Какой час вашей жизни, Гоар Микаэловна, вы считаете «звездным»?

— Звездным в полном смысле слова — тот, когда я узнала о награждении меня Золотой медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда. Переломных, значительных, решающих моментов судьбы было немало; особо выделяю три из них. В начале второй мировой войны Каирский детский хор, в котором я была солисткой, направлялся на концерты в Александрию. По дороге наш автобус сделался мишенью фашистского бомбардировщика. Я очутилась в прибрежных камышах; случайно спаслись еще несколько сверстников. Нас, перепуганных, голодных, а некоторые были и ранены, нашли рабочие местного соляного рудника. С их помощью мы попали в госпиталь. Так я впервые познала, что такое ужас войны... Другой запомнившийся на всю жизнь, определивший ее момент — когда преподавательница пения сумела уговорить моего отца, чтобы разрешил мне учиться на певицу, а не на юриста, как он настаивал. Еще момент, важнейший, решающий — 12 сентября 1948 года, когда, сойдя по трапу теплохода «Победа», я впервые ступила на советскую землю в Батумском порту. Оттуда приехала в Ереван, в Советскую Армению, ставшую моей настоящей родиной.

— Значит, ваша биография делится на две части — до и после прибытия в СССР? Или пение в какой-то степени соединяет ее в одну судьбу?

— Пожалуй, главное событие моего детства в Ибрагимие-Шарки, предместье Каира, произошло, когда я впервые слушала пластинку с музыкой Комитаса. Она раз и навсегда открыла мне неповторимую прелесть армянской народной мелодии. «Крунк» — песня о журавле, летящем из родных краев, несущем отсюда весточку. Ответь, журавль! А он молчит, лишь машет крыльями и улетает... Каждый свой концерт, в каком бы городе, в какой бы стране ни выступала, я начинаю этой песней. С каждым разом все более проникаюсь ее любовью к Родине.

Мне доверлось учиться в академической вокальной студии, созданной профессором и замечательной певицей Элизой Фельдман, спасшейся в 1939 году от итальянских фашистов и нашедшей пристанище в Египте. Среди наших преподавателей был и главный дирижер Неаполитанского оперного театра маэстро Винченцо Карро. В 14 лет, пройдя сложный конкурсный отбор, я стала солисткой каирского радио, а по вечерам посеща-

ла, не удивляйтесь, занятия отделили адвокатуры французской школы, где проучилась пару лет (папа все-таки настоял). Участвовала в программах находившихся тогда в эвакуации ведущих вокальных трупп Италии, Франции и Англии, поэтому в юности имела честь выступать вместе с такими всемирно известными солистами, как Винченцо Молинари, Марио Канилья, пианистами Жоржем Темели, Жераром Говером, дирижерами Гансом Хикманом и Жозефом Гутелем. Со многими из них спустя много лет встречалась во время их гастролей по СССР.

(Вдруг вспомнил, засмеялась). Однажды в студии я с детской категоричностью разнесла в пух и прах выступление «звезды первой величины» Лили Понс, утверждая, что у нее слабое, короткое дыхание. Педагоги заставили меня пойти в гостиницу и попросить прощения у зна-

тыни, языка, которым теперь пользуются лишь специалисты. Ваше мнение по этому поводу?

— Позвольте, статистика свидетельствует о диаметрально противоположном: на первом месте по среднему числу посещений находятся как раз оперные театры! Быть может, одно время кое-кому и казалось, будто телевидение, радио, грамзаписи «похоронят» оперу. А получилось наоборот: технические средства лишь обострили общий интерес к опере. Конечно, что скрывать, наш жанр столкнулся с проблемой постановок современных оперных сочинений. Нынешнего зрителя нельзя заинтересовать исключительно классикой, хотя именно ей во многом уступают многие из сочиненных в наши дни оперных произведений. Их авторы акцентируют свое внимание на музыкальной полифонии, сценическом новаторстве, оставляя лишь «фоном»

правляют не на совершенство вокального голоса, а на то, чтобы быстрее, завтра же, и во что бы то ни стало обрести признание.

— Не согласились бы вы показать нам свою работу в таком ракурсе: чего не видит и не знает большинство слушателей в зале?

— Горжусь тем, что имею право полностью отнестись к своему понятию «оперная певица». И желание сохранить за собой этот высокий титул побуждает мужественно выносить многие «лишние» (улыбается). Не делая того, что в малейшей степени может повредить голосовым связкам. Лишь в отпуске я имею некоторое право быть обычным отдыхающим, купаться в море (после пения — самое большое для меня удовольствие), есть мороженое, кататься с близкими в автомашине по крутым перевалам, где гуляют ветры, приносящие ангину... Оперная певица обязана всегда быть в форме, несмотря на беспрерывные сольные выступления, сверхдальние перелеты и резкую смену климатов. Могу похвастаться: ни один мой концерт не переносился, не откладывался из-за болезни. И пото-

ну. Перед концертом волнуясь, а после него настроение бывает такое же, как и у любого профессионала, от души выполнившего порученную работу. Радость ощущаю больше, чем усталость.

— Вас узнают на улице, просят автограф. Как вы относитесь к собственной известности и славе?

— В детстве у меня была тетрадка, на страницах которой я просила расписываться знаменитых музыкантов. И теперь не могу отказать кому-либо, кто просит автограф: ведь это наивно любитель оперы (С улыбкой). Автографы доводилось писать не только на бумаге, но и на рубашках, носовых платках. На чем просили (на рубашках — например, в Японии), на том и расписывалась.

— Среди ваших родных есть коллеги, деятели искусства?

— Мой муж Тигран Левонян — народный артист республики, главный режиссер оперной труппы и ведущий ее драматического тенора. Он мой самый строгий критик и самый большой поклонник моего пения. У нашей дочери Седы красивое сопрано, но, так как дома уже есть профессиональный дуэт, она, разумно почитая, что «третий — лишний», стала филологом. Внук и внучка, 16-летний Геворг и 13-летняя Мари, очень любят музыку, они мои постоянные зрители, но кем станут... посмотрим — увидим. Во всяком случае, не собираюсь подсаживать, тем более настаивать на какой-то конкретной, но не выбранной ими профессии.

— У вас есть любимый афоризм?

— Есть, позаимствованный у мамы: «Лучше изнашиваться, чем заржаветь».

— А согласились бы вы сыграть роль Гоар Гаспарян в одноименном фильме?

— (Смеется). Сейчас — нет! Возраст уже неподходящий для начала кинематографической карьеры... Впрочем, если бы возникла подобная шутка-идея, могла бы предложить трио исполнительниц одной роли: внучку, дочку и себя (мы очень внешне похожи).

— Тогда еще вопрос-шутка: какие три предмета (больше не разрешается) вы захватили бы с собой на необитаемый остров?

— (После короткой паузы). Клубок ниток для вязания. Ноты. И, если найдутся джентльмены, которые помогут нести, то роль.

— Ваши любимые цветы? И цвета?

— Предпочитаю розы. А к лицу мне, как говорят, зеленое и красное.

— Существует ли у вас семейная реликвия?

— Минутку, сейчас покажу (Достает изящную книжечку). Вот, с автографом, программа нескольких концертов Комитаса. Датирована 1910 годом, подарок отцу от автора. Взгляните! (На кусочке картонной обложки — пейзаж маслом, выгоревший от времени: небо, горы и журавли).

— Гоар Микаэловна, у вас очень красивое имя, довольно экзотическое. Оно как переводится?

— По арабски оно звучит как Джауар. Переводится — Жемчужина. Так звали мою прапрабабушку египтянку.

Гостью расспрашивал
Гарик КАРАПЕТИАН

Гоар

Гаспарян

менности. В тот же день я принесла ей извинения, с трудом объяснив причину своего неожиданного визита. Понс долго хотала, потом всерьез заметила, что я права: «В начале карьеры я тоже легко «расправлялась» с именитыми, — сказала она, — это свойство молодости».

Приезд в родную Армению завершил первый этап моей творческой подготовки. Ереван — моя гавань, откуда начинаются все мои артистические путешествия и куда я неизменно возвращаюсь, чтобы припасть к родной земле и получить от нее новые силы. Где бы я ни находилась, какой бы успех ни выпадал на мою долю, всегда стремлюсь в этот единственный для меня город, с нетерпением жду приземления самолета в Ереванском аэропорту, спешу вновь взглянуть на белоснежные вершины Арагаца и Арарата.

— Вы назвали западноевропейских мастеров музыки и вокала, с которыми выступали в юные годы. А вместе с кем из советских деятелей искусства участвовали вы в концертах?

— О, с ними, моими собратьями и друзьями, связаны неизгладимые впечатления! Это выдающиеся советские дирижеры Арвид Янсонс, Александр Мелик-Пашаев, Одиссей Димитриадис, Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, певицы Медея Амираншвили, Павел Лисициан, Артур Эйзен... Огромную роль в моей творческой жизни сыграла Валерия Барсова, которая в самом прямом смысле взяла меня за руку и вывела впервые на московскую сцену — в 1951 году, представив столичным зрителям.

— Польский сатирик Юлиан Тувим посвятил одну из своих миниатюр опере, предвещая этому жанру искусства судьбу па-

главное выразительное средство оперного искусства — вокал и связанную с ним мелодичность, певучесть пьесы. Если кто-то из современных композиторов не обретает подлинный успех, то, по моему, из-за того, что забывает, повторяю, о главной фигуре оперы — о солисте. Нигде еще у нас или за рубежом я не встречала слушателя, безразличного к качеству пения. Убеждена: оперное искусство по силе своего воздействия остается несравненным.

— Вы педагог Ереванской консерватории с 20-летним стажем. Какие качества особенно цените в своих студентах, что стремитесь им привить?

— И определенный творческий стиль, и многосторонность восприятия, и музыкальность — вот «ключи» ко всем «замкам» учебы, вот фундамент культуры и профессионализма будущих вокалистов. По моему, нет выше наслаждения, чем осознать: вот этот голос — чудо хорошо воспитанной души. Просто большой (высокий) голос считаю абсурдом. Точно сказал Станиславский: «Если голос сам по себе ничего не выражает, как бы он ни был велик, — хуже любого иного». Предпочитаю маленькие, но именно музыкальные голоса, скромные, но сильные музыкальные характеры. Чем вызваны подобные пристрастия и требовательность? К сожалению, в последние годы некоторые мои студенты, молодые певцы, свое усердие и усилия на-

му беру на себя смелость утверждать: профессия оперной певицы — одна из самых тяжелых в искусстве, требующих напряжения и аскетичности.

— Что вы изменили бы в сложившейся творческой манере, если можно было бы сегодня начать все сначала?

— Музыкальные критики порой упрекают меня в чрезмерной частоте и усложненности сольных концертных выступлений. Может, и на самом деле следовало бы экономнее расходовать свои певческие способности? Но, поразмыслив, я твердо решила: «Нет!» Многолетний собственный опыт убеждает: если солист умеет петь правильно, природных «запасов» ему хватит намного дольше, чем принято считать.

— Гоар Микаэловна, расскажите, пожалуйста, о своем распорядке дня перед каждым вечерним выступлением.

— Стараюсь петь в концертах через день, не чаще. Утро начинаю, уж извините, с легкого завтрака — соки, фрукты, молочные продукты. Затем до обеда просматриваю пьесы, клавиры оперы или арий, которые сегодня предстоит исполнить. При этом петь все это даже не пытаюсь. Вернее, пою, но мысленно. Обед — самый простой, но обильный, но калорийный. Полчасика позволяю себе подремать, потом читаю, или вяжу, шью, или готовлю что-нибудь вкусное. В театр являюсь за полчаса до выхода на сцену.

